

Финский композитор Леонид Башмаков

Год назад, в мае 1996-го, в Спасо-Преображенском храме Новоааламского монастыря, что на северо-востоке Финляндии, впервые был исполнен хоровой цикл современного финского композитора Леонида Башмакова "Северная тишина" на стихи русской поэтессы начала века Елены Гуро. Обстановка храма, несомненно, создавала особое настроение у исполнителей и слушателей, но, кроме того, композитору удалось проникнуть в самую суть поэтики Е. Гуро, живописать музыкальными средствами высокодуховную атмосферу ее текстов, их импрессионистический колорит. Сама Елена Гуро писала об особенностях своего творчества: "Куски фабул, взятые как краски и как лейтмотивы", "Музыкальный симфонизм", "Говорить слова, как бы не совпадающие со смыслом, но вызывающие определенные образы, о которых не говорится вовсе".

Эти искания поэта через 80 с лишним лет воплотил в своей музыке Леонид Башмаков. И хотя он, сын русских эмигрантов, рос, учился и работал в Финляндии, музыка "Северной тишины" — очень русская по своему духу.

Недавно композитору исполнилось 70 лет; за его плечами — долгий жизненный и творческий путь. Перечисление всех его сочинений заняло бы несколько страниц, поэтому упомянем лишь основные: шесть симфоний, музыка к балету, музыка к нескольким спектаклям, в том числе к пьесам Шекспира "Макбет", "Гамлет" и "Буря", множество произведений для оркестра и для сольных инструментов с оркестром, значительное количество камерной музыки, несколько хоровых произведений на тексты финских поэтов.

Кем же ощущает себя Леонид Александрович — русским или финном? Испытывал ли когда-нибудь дискриминацию из-за русского происхождения?

— Это страшно трудный вопрос. Видите ли, если бы я имел более тонкие нервы, то, возможно, в школьные годы такую дискриминацию чувствовал бы, но, с другой стороны, я получал замечательную поддержку у многих преподавателей и школьных товарищей и просто не хотел обращать внимания на это. Вообще я сталкивался с враждебным ко мне отношением крайне редко. Но финном все же никогда себя не считал.

— Когда и где вы начали заниматься музыкой?

— Детство мое прошло в Куоккале. Там же я получил первые уроки музыки. Первый мой учитель Сергей Сергеевич Лаппо-Данилевский был математиком и пианистом. Я благодарен ему за то, что он учил меня, как во времена Баха обучали мастерству, — не только игре на фортепьяно, а одновременно всему — и теории, и прочему. Пианиста из меня не вышло, но очень многим полезным вещам он меня научил.

— А когда вы начали сочинять, в каком возрасте?

— Именно тогда, лет в девять. Я тогда болел много — получил такую тяжелую болезнь, которую не могли даже диагностировать. Так что временами я ходил в школу, а временами лежал дома, то занимался на фортепьяно, то не занимался — обучение шло не слишком регулярно. После Зимней войны и эвакуации в Среднюю Финляндию мы переехали в Хельсинки. Родители нашли там работу.

— В Куоккале до войны жили известные деятели русской культуры, неподалеку жил Репин. Общались ли ваши родители с этим кругом?

— Дедушка мой у Репина бывал... Видите ли, у Репина устраивался такой прием раз в неделю, куда мог прийти кто угодно. У меня была даже фотография (теперь, к сожалению, потерянная), сделанная в последний год жизни Репина, в Пенатах, на крыльце. Там много гостей, и среди них мой дедушка, и меня держит — двухлетнего. Но что родители мои общались с Репиным — не могу сказать. У них, конечно, был свой круг. Племянник Репина Илья Васильевич был другом моего отца. Он был хорошим резчик по дереву. Вы заходили когда-нибудь в хельсинкскую Покровскую общину? Вот там — резной иконостас работы Ильи Репина.

— И после переезда в Хельсинки...

— Только в Хельсинки я начал по-настоящему учиться в школе. С 1941 года

проходил по два класса в год — возраст был уже такой, что надо было торопиться, и в это время Сергей Сергеевич со мной еще занимался. Потом я окончил общеобразовательную школу и поступил в Музыкальную академию.

— И вы тогда уже решили, что будете композитором?

— Трудно сказать, но тяготение имел к этому. Я также прошел класс дирижиро-

Леонид Башмаков.

вания. Видите ли, в те времена в академии не было такой регулярной, обязательной программы, как сейчас. Я, когда поступал, просто принес ректору свои сочинения, сделанные самостоятельно. Он их посмотрел и сказал: "Принимаем. Идите на такие-то и такие-то уроки".

— Вы сами выбирали учителей?

— Да, в основном сам. Играл на фортепьяно и на виолончели, даже на контрабасе играл в студенческом оркестре.

— А какие композиторы оказали влияние на ваше творчество?

— Трудно сказать. Меня все мастера интересовали, всех я изучал, но повлияли ли они на меня в смысле музыкального мышления, музыкальных идей — не могу сказать.

— А современные композиторы, новейшие системы?

— В те времена, когда я учился в академии, в начале 50-х, новые влияния очень плохо достигали Финляндии. Они ограничивались Бартоком и Стравинским; Шенберга, например, не знали тогда, и нот его произведений не было, все это пришло несколько позднее.

— Но вы использовали в своих сочинениях двенадцатитоновую систему?

— Я, конечно, потом самостоятельно вникал в эти методы композиции: то есть был этап, через который надо было пройти, понять, как это делается. Скажем, в первом скрипичном концерте всего более заметно влияние додекафонной системы. Но потом от произведения к произведению эти приемы я использовал все реже.

— Всегда ли удается опубликовать и исполнить ваши сочинения?

— Первое исполнение в Финляндии доступно почти для всех авторов. Не знаю, правильно ли это и почему именно так, но, видимо, в этом заинтересованы и солисты, и оркестры, и дирижеры. А второй, третий раз — сложнее, тут уж произведение должно очень нравиться. Больших проблем с исполнением и неисполненных произведений у меня не было — кроме тех, которые я сам не хотел услышать.

— Что из новых вещей должно быть вскоре исполнено?

— Концерт для контрабаса, написанный в прошлом году.

— Возможно ли существовать в Финляндии одним сочинением музыки?

— Конечно, я знаком с коллегами, которые имели смелость попытаться прожить на композиторскую деятельность. Это требует, помимо несомненного таланта, способностей бизнесмена и, кроме того, большой храбрости. Я же всегда имел профессию, которая давала мне хлеб; сначала был дирижером в театре — несколько десятилетий; моя жена — актриса. Мы работали в одном театре.

Потом я преподавал, сначала в Котке, а начиная с 1959 года — в консерватории в Тампере, в основном теоретические предметы. А когда стал ректором консерватории и преподавательская работа занимала всего четыре часа в неделю, я занимался со студентами инструментальной, это для меня все-таки самое близкое.

— Часто ли вы обращались к русским текстам в своем творчестве?

— Нет. "Северная тишина" — первый опыт. Для меня вокальная музыка — дело очень и очень трудное. Хотя для театра, так сказать, "прикладную музыку", в том числе и вокальную, приходится писать, но это совершенно другое: там пишешь для определенного действия, по заказу. Когда я прочитал стихи Гуро, они мне так понравились... и так было легко... с ними я не испытывал никаких трудностей.

Прожив всю жизнь в Финляндии, Леонид Башмаков все-таки чувствует себя русским — наверное, потому, что в среде русских эмигрантов его поколения сохранилась духовная традиция православия. Композитор еще в 1949 году дирижировал церковным хором, иногда пел в хоре православного прихода в Тампере. Он написал для хора "Литургию", "Всенощную" — то и другое на финском языке, но ведь суть и значение духовной музыки не меняется в зависимости от языка, на котором она исполняется.

ЭЛЕОНОРА
ИОФФЕ-КЕМПАЙНЕН

Хельсинки